

СПЕЦИФИЧЕСКОЕ ИСПОЛЬЗОВАНИЕ ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНОГО ПОТЕНЦИАЛА

Анотація. Розглянуто проблему обмеження тінізації економіки як одну зі сфер специфічного використання інтелектуального потенціалу кадрів державного управління, фінансової системи та реальної економіки.

Ключові слова: інтелектуальний потенціал, тіньова економіка, світова економічна криза.

Summary. The problem of limiting of shadowing of economy as one of the spheres of specific using of intellectual potential of the staff of state governing, financial system and real economy are considered.

Key words: intellectual potential, shadow economy, world economic crisis.

Постановка проблеми. Мировой экономической кризис обнажил до сих пор неочевидную или скрываемую ввиду её невысокой опасности для государств Первого мира проблему «высокоэффективного» использования интеллекта менеджмента многих сфер общественной жизни для изобретения разнообразных схем теневой деятельности. Теневая экономика как производственная или непроизводственная деятельность вне установленного государством правового поля существовала во все времена, однако её масштабы в высокоразвитых странах, особенно в условиях современности (начиная примерно с 70-х годов прошлого столетия), не имели опасных размеров, достигая 5–8 % ВВП. Исследователи и политики этих стран связывали существование теневой деятельности главным образом с несовершенством законодательства, многообразием и несистемностью многочисленных регуляторных актов. Что же касается субъективной стороны дела (сознательный уход бизнеса от установленных правил), то особых акцентов на ней не делалось под тем предлогом, что неправыми в оценках могут быть и надзирающие за поведением бизнеса представители государства (например, налоговых служб). Считались также и с нормами юридической практики, в частности — презумпцией невиновности, а также с нормами здравого смысла — зачастую для разоблачения отдельного мелкого мошенника в бизнесе нужно было потратить значительно больше, чем он утаил.

Существует также научно доказанная связь между степенью развитости демократии и уровнем теневой экономики — до 5–8 % в странах высокоразвитой демократии (страны Первого мира); 25–30 % — в развивающихся странах; свыше 50 % — в странах Третьего мира. Отсюда выведен постулат — превентивные меры в борьбе с теневой экономикой не могут дать позитивного результата до тех пор, пока государственная система эволюционным путём не достигнет высших демократических стандартов.

Тем не менее взгляд на действенность этого постулата, как и взгляд на проблему теневой экономики в целом, приходится менять или существенно корректировать во вновь открывшихся обстоятель-

ствах, с которыми столкнулись страны Первого мира и многие развивающиеся страны в период мирового экономического кризиса. Высокие демократические стандарты стран Первого мира не спасли их от всплеска противоправной деятельности разнообразного бизнеса. Возникла, таким образом, научно-практическая проблема, для разрешения которой требуются новые идеи и взгляды.

Цель статьи состоит в постановке и обосновании нового подхода в рассмотрении феномена теневой экономики как следствия использования интеллектуального потенциала в различных сферах бизнеса, уровень которого значительно превышает интеллектуальный потенциал кадров государственного управления и контрольно-надзорных органов власти.

Изложение материалов исследования. Известный тезис о решающем значении кадров подтверждён длительным историческим опытом. Современность даёт массу новых подтверждений его справедливости, однако этот факт далеко не всегда приносит обществу, государству должное удовлетворение. В частности, с большим сожалением приходится констатировать, что красивое утверждение о «несовместимости Гения и Зла» наши современники кардинальным образом «подкорректировали» и доказали, что эти два полюса человеческого проявления могут быть вполне совместны. Сферой бесчисленных доказательств этой констатации является теневая экономика.

Для более чёткого обозначения позиции автора в этом вопросе отметим, что феномен теневой экономики рассматривается им как исключительно сложный комплекс переплетений очевидных, доказанных правил экономической деятельности в разных сферах и неких условных положений, по поводу которых могут быть разные толкования в зависимости от интеллекта, профессионализма, интересов, стимулов участвующих в дискуссии сторон. Под таким углом зрения рассматривается как неприемлемая практика грубого, наглого нарушения очевидных правил поведения; для осуществления таких действий не требуется особого интеллекта; они, скорее, свидетельствуют об отсутствии какого-либо интеллекта у фигурантов.

© В. К. Антошкин, 2012

Автор считает, что подобные факты вообще нет оснований связывать с теневой экономикой. Мы утверждаем, что теневая экономика, очищенная от явной уголовщины, — это сфера своеобразного «соревнования» интеллектов традиционно «противоборствующих» сторон — бизнеса и обслуживающих его специалистов, с одной стороны, государства и поставленных защищать его интересы служащих, с другой стороны.

Кавычки к двум словам понадобились нам для обозначения вечной сложности проблемы изъятия части дохода одних другими, когда одни производят продукт, а другие изобретают правила его делёжки. При этом второй стороне особо и не требуется адекватный первой интеллект — обычный его дефицит с лихвой компенсируется силой приданного этой стороне репрессивного аппарата. Тем не менее «уравнивание» силы сторон с помощью этого «довеска» в условиях «высокодемократичных стандартов» считается нецивилизованным занятием; «довесок» должен гоняться за уголовщиной, а служащие госуправления — «оттачивать» свой интеллект. Именно с этих позиций автор и рассматривает современные тенденции в теневой экономике.

Возвращаясь к тому факту, что в развитых странах уровень теневой экономики существенно ниже, чем в развивающихся, заметим, что мировой кризис привёл это различие к ещё большему разрыву — в странах Первого мира её масштабы даже несколько снизились, а в развивающихся (особенно в России и Украине) резко выросли. Политические системы развитых стран сумели быстро и эффективно привлечь мощные интеллектуальные силы для выработки оперативных и стратегических решений, организовать своеобразный «мозговой штурм» угрозы длительного разрушения экономики. Главными «продуктами» интеллектуального производства государственного управления стали выработанные на условиях научно-политического консенсуса решения в *бюджетной политике*, которые при росте бюджетных расходов и сокращении бюджетных доходов обеспечили поддержание спроса (в первую очередь — потребительского).

Потребительский спрос стимулировался прежде всего программами, основанными на *налоговых вычетах* (стимулирование покупки новых автомобилей — более экономичных и экологически чистых; льготы при выплате ипотечных кредитов; временный выкуп за счёт бюджета проблемных активов банков — программа TARP в США и т. д.). Хотя такая бюджетная политика привела к резкому разрастанию бюджетного дефицита во всех странах (в США к концу 2009 года — более 1,5 трлн. долларов), позитивные сдвиги в экономике и социальном настроении намного превзошли отрицательные последствия этой политики.

Денежная политика центральных банков этих стран (снижение учётной ставки до 0–0,25 %; выкуп MBS — бумаг, обеспеченных ипотечными активами, и другие меры) сделала деньги почти бесплатными, а их введение в экономику стало производиться почти насильно. В итоге резко выросли стимулы для инвестирования реальной экономики, а также практически отпала необходимость выводить капиталы за рубеж (в оффшоры или «налоговые гавани») [1]. Вследствие этих мер сократились главные «статьи» теневой экономики развитых стран — сокрытие доходов от налогов и незаконное перекачивание капиталов за рубеж. Произошло это без использования принудительных мер; сработали хорошо продуманные стимулы, которые сделали крупное жульничество невыгодным.

Заметим, что не обошлось и без превентивных мер — под угрозой судебного преследования многие тысячи состоятельных граждан, например, США, были вынуждены вернуть в страну (с последующей уплатой налогов) капиталы, «припрятанные» в оффшорах. Однако и эта мера была основательно продуманной — страдающие от такой деятельности своих бизнесменов страны выстроили безукоризненную программу международной обструкции стран-«налоговых гаваней» — Швейцарии, Люксембурга, Австрии, Лихтенштейна, Бельгии, Андорры и др. Ряд стран из перечисленных вовремя поняли ожидающие их проблемы международных санкций и заставили своих банкиров предоставить информацию о крупнейших вкладчиках из США, Великобритании, Германии, Франции и др. Остальное было делом техники налоговых служб и финансовой разведки этих стран — большая часть вывезенных без налогообложения капиталов была возвращена.

На этом фоне можно рассматривать как уникальную по бездеятельности или по неспособности воспользоваться даже опробованным мировым опытом позицию государственного менеджмента стран СНГ [2, с. 58–69]. Правда, в авторитетных деловых изданиях встречаются и другие объяснения природы такой позиции: дело не в низком интеллектуальном уровне высших госслужащих, а в запредельном уровне коррупции в этих странах [3].

Спор по поводу интеллектуального уровня властного истеблишмента разных стран можно увязать с состоянием их экономики, не прибегая даже к специальной статистике. Но общеизвестные факты свидетельствуют: правительства развитых стран к выработке антикризисной стратегии привлекли выдающихся специалистов (среди них, в частности, — почти все Нобелевские лауреаты по экономике) и значительно увеличили госзаказ университетам на подготовку дефицитных специалистов. Все крупные компании традиционно приглашают в качестве научных консультантов

ВУЗовских профессоров; банки, инвестиционные и страховые компании активно привлекают высокими зарплатами и бонусами талантливую научную молодёжь. В таких обстоятельствах практически нет оснований ставить вопрос о соотношении интеллекта кадров госуправления и экономики.

Иначе выглядят ситуация в развивающихся странах, в частности, в Украине. В глубоком научном исследовании проблемы доктор экономических наук, профессор И. К. Бондарь [4] доказала, что интеллектуализация человеческого потенциала экономики Украины характеризуется высокими показателями, возрастающей тенденцией в уровне образованности населения, численности кадров с высшим образованием, имеющих учёные степени и звания, в количестве выданных охранных документов на изобретения, полезные модели, промышленные образцы.

Однако заметим, что все эти позитивные характеристики выражают лишь *потенциал, резерв*, уровень использования которого в условиях стагнирующей *легальной экономики* совершенно неудовлетворителен. Унизительным для страны фактом является «расцвет» теневой экономики, то есть получается, что нельзя уйти от предположения, что интеллектуализация кадров относится в основном к кадрам теневой экономики Украины. Однако поскольку реальная (легальная) и теневая экономика — это две стороны одной медали, можно говорить о специфическом украинском опыте мимикрирования интеллектуальных кадров, умеющих эффективно осуществлять в рамках легальной экономики теневые схемы.

На примере развитых стран доказана возможность решить эту проблему если не со 100 %, то с очень высоким уровнем использования кадров для развития легальной экономики. Для этого, конечно, необходимы надлежащие стимулы у кадров экономики и соответствующий интеллектуальный уровень государственного менеджмента, на чём авторы уже акцентировали внимание читателя. И хотя в исследовании [4] отдельно не рассматривался вопрос интеллектуальности кадров госуправления, множество свидетельств в открытой печати и наши личные наблюдения показывают наличие здесь серьёзной проблемы. Так, в публикации [5] приводятся факты массового взяточничества в аппаратах управления разного уровня, сведения о большом числе специалистов аппарата с поддельными дипломами, об особом увлечении украинских политиков всевозможными титулами — часто поддельными, о регулярно возникавших на государственной верхушке скандалах по поводу образования чиновников министерств, Секретариата (сейчас — Администрация) Президента, Службы безопасности Украины, о том, что ставшее модным увлечение чиновничества научными степенями привело к их обесценению, и т. д.

Конечно, всё это можно было бы связать с проявлением обычных человеческих слабостей, недостатками воспитания и культуры, если бы речь шла о простых обывателях, а не о людях, принимающих важные решения на государственном и региональном уровнях, оценивающих исполнение законов, в разработке которых сами же и участвуют, поставленных защищать интересы государства. Теневая экономика создаёт для таких людей массу соблазнов, подавить которые они зачастую не в состоянии, в том числе и по причине недостаточного интеллектуального уровня. Можно сколько угодно говорить о сложности, деликатности этой темы, но все эти «увеличения» не снимают из рассмотрения главный вопрос: почему теневая экономика стала фактором угрозы украинской государственности?

Независимые эксперты считают, что теневая экономика составляет около 50 % официального ВВП Украины [6]. В абсолютных значениях объём неучтённого ВВП, созданного главным образом мошенническим интеллектом (или гением — без всякой иронии), составил за 6 месяцев 2009 года 420 млрд. гривен (по курсу — около 50 млрд. долларов). Самым «затенённым» сектором среди легальных видов деятельности в украинской экономике считается торговля: уровень теневого оборота здесь достигает 50 % от размера официального ВВП этого сектора. Официально за первую половину 2009 года в отрасли создано добавленной стоимости на 64 млрд. грн., то есть теневого оборот достиг 32 млрд. грн.

Второе место по уровню тенизации занимают строительство и торговля недвижимостью — 7,4 млрд. грн., или 37 % от легального оборота.

На третьем и четвёртом местах по непрозрачности деятельности находятся финансовый сектор и сельское хозяйство — теневого оборот 27 %; в абсолютных цифрах это составляет 10 млрд. грн. в секторе финансов и 4,4 млрд. грн. — в аграрном секторе (за первое полугодие 2009 года).

На пятом месте находятся интеллектуальные гении перерабатывающей промышленности, где в тени формируется более 20 % официального ВВП этого сектора. Поскольку это наибольший сегмент отечественной экономики (18,6 % в структуре ВВП страны), то его «вклад» в тень также весьма значителен — 16,3 млрд. грн.

Разумеется, пьедестал не ограничивается «почётной» пятёркой. Однако его продолжение мало интересно, потому что во всех случаях практически одинаковы методы деятельности собственников и менеджмента — сокрытие реальных оборотов от налогообложения и «минимизация» уплачиваемых налогов. Рассмотрение технологии такой деятельности не входит в задачи автора; гораздо интереснее акцентировать внимание на творческом процессе изобретения огромного множества хит-

роумных теневых схем, которые, несмотря на высокую забюрократизированность государственной контрольно-надзорной системы, позволяют гениям теневого бизнеса проводить их «между Сциллой и Харибдой» из множества законов, подзаконных актов, инструкций, регламентов.

Автор не склонен преувеличивать значение утверждений о роли коррупции [3] в преодолении опасностей, которым подвергаются «мореплаватели» — теневые дельцы, и, несмотря на традиционно высокую роль коррупции на постсоветском пространстве, утверждает, что зачастую исследователи муссированием темы коррупции пытаются умалить действительно высокий интеллектуальный уровень работающих в теневой экономике кадров, который, как бы ни было прискорбно это признавать, существенно выше, чем у кадров госаппарата.

При этом они забывают, что многие гении теневой экономики — это «дети» и «внуки» прошедших жёсткую карательную школу советских «цеховиков» (ставших впоследствии крупными деятелями экономик независимых государств), что они в большинстве имеют первоклассное образование, в том числе и полученное в ведущих зарубежных университетах (а не купленные дипломы), что они в основном молоды, амбициозны и оценивают свой труд гораздо выше, чем позволяет им государство. И не следует искать в этих утверждениях некий вектор симпатий автора; феномен теневой экономики, а следовательно, и особые качества работающих на неё специалистов, возник не сегодня, поэтому и проблему необходимо рассматривать во всей её сложности.

Почему бы не повернуть направление дискуссии от вопроса выявления, преследования, наказания таких специалистов к теме такого их стимулирования, когда им было бы максимально выгодно, комфортно, безопасно выйти из тени, работать на легальную экономику? Конечно, в этом случае придётся признать многие неприятные для государства вещи — несовершенство (и даже абсурдность) многих регуляторных актов, их противоречивость, отсталость от эффективного мирового опыта индикативного госуправления, низкий профессионализм кадров многих госорганов и госпредприятий. Характерно, что, по западной статистике, 30 % топ-менеджеров таких органов и госпредприятий (или предприятий с большой долей государства) ничего не понимают в сути доверенного им дела или бизнеса, хотя многие имеют степень MBA [7].

Второе предложение автора состоит в том, что следует подвергнуть более глубокому изучению систему теневой деятельности в главных её сферах и срочно установить требующие упорядочения параметры нормативной базы, а также более чётко обозначить проблемы профессиональной подготовки кадров контрольно-надзорных

органов, по которым они очевидно отстают от уровня кадров теневой экономики.

Как отмечалось выше, *торговля* оказалась лидером по степени непрозрачности. Необходимо заметить, что общий торговый оборот в Украине в 2008 году превысил 1,3 трлн. грн. Из этой суммы около 80 % пришлось на оптовый товарооборот. Данному сегменту торговли эксперты не склонны приписывать излишнюю тенизацию, так как её доля не сильно отличается от уровня тени в других отраслях. В этом сегменте значительная часть (более половины оборотов) приходится на *внешнеэкономические товарообменные операции*, контроль за которыми осуществляют (прямо или косвенно) министерства торговли, иностранных дел, органы безопасности, финансовой разведки отдельных стран, а также международные организации. В них занят серьёзный интеллектуальный корпус, который действует на хорошо отработанной нормативной базе и эффективных стимулах. Давняя задача, которую он пытается решить для снижения уровня теневого оборота, состоит в искоренении международных взяток чиновникам сторон за получение различных разрешений. Компании, занимающиеся международной торговлей, традиционно списывали с причитающихся с них налогов расходы на эти взятки, что, конечно же, было противоправным.

Для пресечения такой практики Организация экономического сотрудничества и развития (ОЭСР), насчитывающая 30 стран-членов, приняла Конвенцию о борьбе с подкупом иностранных государственных должностных лиц в международных деловых операциях. Договор, вступивший в силу в 1999 году, дал ОЭСР мощный инструмент против коррупции. Эта организация играет важную роль в борьбе с трансграничными взятками — преступлением, которое вызывает серьёзную моральную и политическую озабоченность, подрывает добросовестное государственное управление и экономическое развитие, нарушает международную конкуренцию, ложится позорным пятном на репутацию и реально грозит судебным преследованием корпорациям и их руководителям.

В настоящее время Конвенцию поддерживают 38 государств; кроме членов ОЭСР, это — Аргентина, Болгария, Бразилия, Израиль, Словения, Чили, Эстония и Южная Африка. Они приняли национальные законы об уголовной ответственности за международные взятки. Ни одна из этих стран не даёт компаниям права списывать с налогов расходы на взятки, как это практиковалось в некоторых странах до конца 90-х годов. И все они принимают меры к тому, чтобы предотвращать, выявлять, расследовать и доводить до суда дела о взятках за рубежом.

Конвенция требует, чтобы подписанные странами законы распространялись как на физических лиц, так и на компании, которые обещают, предла-

гают или фактически дают взятки. При этом учитываются также подкуп через посредников и сделки в пользу третьей стороны (например, супруги должностного лица). Страны должны считать международную взятку преступлением даже в тех случаях, когда контракт был бы предоставлен взяткодателю и без неё, исключительно по достоинству. Подкуп считается преступлением независимо от того, была ли принята взятка или чиновник фактически предоставил незаконное преимущество, а также независимо от того, встречается ли коррупция в данной стране терпимое отношение и носит ли массовый характер. Участники Конвенции также обязаны устанавливать для пресечения взяток эффективные и соразмерные санкции.

На основании Конвенции в 38 странах-участницах в стадии расследования находится более 250 дел. За последние 10 лет около 150 компаний, включая такие известные, как Lucent Technologies и Siemens AG, а также отдельные граждане, в том числе должностные лица корпораций, подверглись санкциям за международное взяточничество и смежные преступления в странах пребывания. Компании выплатили многомиллионные штрафы (в долларах США и евро), а ряд руководителей были наказаны лишением свободы на сроки до 5 лет [7, с. 4]. Это примечательно, если учесть, что до подписания Конвенции подкуп иностранных чиновников был преступлением лишь в отдельных странах, а большинство компаний считало взятки просто составной частью международного бизнеса.

Эксперты считают, что сформированная к настоящему времени нормативная база регулирования международной торговли имеет высочайший интеллектуальный уровень. Однако для пресечения теневой деятельности компаний этого недостаточно; необходимо было создать адекватную систему мониторинга, то есть технику и технологию современного качества и подготовленные высокопрофессиональные кадры. Действующая согласно Конвенции процедура мониторинга осуществляется Рабочей группой по взяткам, составленной из представителей стран-участниц. Жёсткая система контроля международных товарообменных операций осуществляется на основе перекрестных оценок, что побуждает страны соблюдать свои обязательства по Конвенции, позволяет обмениваться идеями и передовым опытом.

Созданная в 1961 году как межгосударственная организация для координации экономической политики и согласования программ помощи развивающимся странам, ОЭСР выполняет не только функции барьера для коррупции и теневых сделок, но и содействует странам с высоким их уровнем в подготовке профессионалов. Однако при отсутствии надлежащей активности со стороны таких стран борьба с их теневыми дельцами ведётся глав-

ным образом со стороны западных контрагентов. Допускаем, что именно поэтому уровень теневого оборота во внешней торговле Украины ниже, чем во внутриэкономической деятельности.

Следует заметить, что сказанное относится исключительно к деятельности крупных украинских компаний, осуществляющих внешнеэкономические операции. Абсолютное большинство малых и средних предприятий, ведущих международный бизнес, по-прежнему являются сферой преимущественно теневых операций и коррупции, причём для этого они не прибегают к каким-либо интеллектуальным ухищрениям; таможенные вопросы решает примитивная взятка, а «государево око», несмотря на огромный ущерб стране, в такие «низины» не заглядывает. Именно в силу особой опасности такого «бизнеса» ОЭСР добивается (пока без особого успеха), чтобы в сферу действия Конвенции вошли все страны с развивающейся экономикой. Руководство этой организации считает, что к борьбе с индивидуальными и корпоративными взятками должны присоединиться как ключевые (Китай, Индия, Россия), так и более мелкие игроки международных рынков (в том числе Украина). В процессе расширения сферы бизнеса этих стран за рубежом жёсткие стандарты, предусмотренные Конвенцией ОЭСР, должны служить им международным ориентиром в борьбе с теневой экономикой, помогать переносить эти стандарты и на внутриэкономические сферы.

Об очевидной необходимости такого организационно-интеллектуального сотрудничества для Украины свидетельствует неспособность (или нежелание) государства противопоставить что-либо действенное постоянно множась «инновациям» теневых специалистов почти во всех сферах экономики.

Одной из них является *розничная торговля*. «Ноу-хау» её деятелей во всех постсоветских странах стала «базарная экономика» — жёсткое сплетение бесконтрольности, вседозволенности, непрозрачности и коррупции. Общий оборот в розничной торговле Украины за 10 месяцев 2009 года составил 362,3 млрд. грн. На долю действующих главным образом в тени 2,7 тыс. продуктовых и промтоварных рынков «базарной экономики» пришлось около 80 млрд. грн., то есть 25 % от общей розницы (без учёта продаж через рестораны). По пессимистическим оценкам экспертов, доля теневого оборота на этих рынках может достигать 90 %, то есть, как бы в издёвку над властью, собственники всё же показывают легальный оборот в размере 10 %.

Из-за очень сложной и коррумпированной разрешительной системы большие теневые потоки традиционно характерны для *строительного сектора* Украины. Эксперты отмечают, что Украина занимает 181-е место из 183 стран по простоте

получения разрешений на строительство. Поэтому многие дельцы изначально закладывают определённую сумму на «решение» вопросов при получении разрешений. В докризисные годы она составляла 20–40 % стоимости проекта, естественно, это всё происходило в тени. Такая ситуация в строительстве ни в коей мере не связана с интеллектуальными различиями фигурантов обеих сторон. Здесь более уместно говорить о полном тождестве уровней и интересов: все прекрасно понимают преимущества основной в мире заявительной системы на любое легальное предпринимательство; все знают, что никакое строительство нельзя начинать без всесторонней экспертизы застройщика и проекта. Однако чиновникам и бизнесменам не требуется ни то, ни другое, так как в практике прочно утвердился набор простых и привычных «технологий». Для радикального изменения ситуации прецедент должно создавать государство, взяв за основу, например, принципы Конвенции ОЭСР о борьбе с подкупом чиновников.

Среди всех секторов украинской экономики сравнительно высокий интеллектуальный уровень кадров характерен для *финансового*. В значительной мере — это следствие интенсивного сращивания финансовой системы страны с зарубежными финансовыми организациями, которое происходит в виде слияний и поглощений коммерческих банков Украины и других стран; одновременно внедряются лучшие банковские технологии, методы подготовки персонала и системы его стимулирования. В настоящее время доля иностранного капитала в украинской банковской системе составляет около 35 %.

На украинском *рынке страхования* нерезидентам подконтрольны более 90 % компаний, а доля иностранного капитала достигла 30 %. Тем не менее этот, на первый взгляд, респектабельный сектор является одним из лидеров теневой экономики. Условно финансовый сектор можно разделить на две составляющие. Первая состоит из законопослушных и почти прозрачных финансовых учреждений. Вторая — из тех, кто состоит на службе у теневой экономики. Ведь без участия финансистов не обходится практически ни одна схема по минимизации или уклонению от налогообложения. Большая часть деятельности таких участников финансового рынка, естественно, находится в тени. Эксперты отмечают, что обычно банки не участвуют в теневых операциях, так как их деятельность сильно зарегулирована, однако закрывать глаза и, соответственно, зарабатывать на клиентах, которые используют нелегальные схемы, банки не стесняются. Они просто обслуживают клиентов — законопослушных или теневых. Они не всегда знают, чем реально занимается клиент. Или специально не замечают этого. Иногда банки ставят на поток обслуживание теневых

схем, зарабатывая, как минимум, на обналичивании денег клиента.

Мы полагаем, что эксперты упрощают ситуацию в *банковской сфере*. Не зная род занятий клиента может рядовой клерк банка, но высший менеджмент владеет полной информацией о клиентах, поэтому в теневые схемы банки не втягиваются «коварными» клиентами, а включаются вполне осознанно, нередко выступая их инициаторами. Факты банкротства ряда системных банков ещё в докризисный период («Украина», «Надра», Проминвестбанк и др.) не были следствием случайных обстоятельств, а стали результатом вполне управляемых действий, из-за которых «стореги» вклады тысяч мелких абонентов. Давно ведущаяся дискуссия по поводу количества необходимых экономике страны банков перешла в схоластический спор, потому что речь должна идти не о количестве банков, а их качестве. Участники дискуссии упорно не замечают того факта, что практически все мелкие банки, не соответствующие нормативам НБУ, продолжают функционировать именно в теневой сфере, для обслуживания которой и создавались. Именно эти «детали» объясняют причины высокой тенизации финансового сектора.

Можно предположить, что продолжающаяся экспансия западных банков (в чём многие эксперты усматривают чуть ли не угрозу национальной безопасности Украины) естественным образом устранил действительную опасность в виде «серой», коррумпированной части финансовой системы. Но это процесс длительный, а потому приходится уповать на то, что быстрее произойдёт количественное и качественное совершенствование специальных государственных служб противодействия финансовым гениям (продолжающим доказывать совместность Зла и Гения).

Важно подчеркнуть, что и в этом случае Украине нет надобности изобретать свой «путь». В западных странах, где финансовые системы неизмеримо больше, а следовательно, больше и соблазнов, научились достаточно успешно решать проблемы интересов государства, бизнеса и простых вкладчиков.

Для ухода от налогообложения и отбеливания «серых» или «чёрных» средств наиболее часто используются *страховые компании*. По некоторым оценкам, из 480 зарегистрированных в Украине страховщиков реально работает не более половины. Доля компаний, которые так или иначе участвуют в отмывании средств, составляет около 30 %. Интеллектуальное творчество теневых дельцов здесь также изобилует инновациями, которые достойны занять почётное место в мировом опыте мошенничества. Самые распространённые схемы — это страхование рисков предприятий на несуразно большие суммы для уменьшения базы налогообложения и придумывание фантастических ситуаций, вызывающих страховой случай. Делает-

ся это в полной уверенности, что работникам налоговых служб не хватит внимательности, желания (или ума), чтобы разобраться в существе дела.

Можно, например, застраховать завод в пустыне на миллиард от наводнения, затем перестраховать этот риск у нескольких системных страховщиков и возратить собственнику предприятия наличными с определённым дисконтом за услуги. Эта, несколько утрированная, схема характеризует распространённую практику. Как и в ситуации финансового сектора, изменить положение на рынке страхования может более глубокое проникновение на этот рынок западного страхового бизнеса. Но поскольку детенизация страхового рынка не может откладываться до лучших времён, необходимо срочно ужесточать судебное преследование фигурантов за уклонение от налогов (практика устрашающих наказаний за подобные преступления, введенная в США в 30-е годы прошлого столетия, оказала весьма сильное воздействие на «интеллектуалов» криминального мира). Хороший эффект может дать метод экспертирования сомнительных страховых сделок опытными специалистами законопослушных страховых компаний. Полагаем, что опасаться проявления «корпоративной этики» в этом случае не следует, так как серьёзному страховому бизнесу «теневики» нанесут ущерб не меньший, чем государству.

Значительное усиление профессиональной подготовки и повышение интеллектуального уровня кадров контрольно-надзорных органов требуется для противодействия интеллектуалам на рынке ценных бумаг и в различных отраслях реальной экономики. Если не принимать в расчёт коррупционную составляющую «взаимодействия сторон», то интеллектуальное превосходство теневых деятелей в этих секторах является общеизвестным фактом.

Рынок ценных бумаг является одним из популярных инструментов для минимизации налогов. Путём манипулирования ценами на «мусорные» акции крупный бизнес без труда может сокращать базу налогообложения. Например, компания покупает акции за 100 млн. грн. и совершенно «случайно» они через день дешевеют в 10 раз, а компания записывает 90 млн. грн. в «убыток», будучи совершенно уверенной, что санкций со стороны налоговой не последует. О том, насколько популярна такая схема, можно судить по росту объёма внебиржевых сделок с акциями: за первое полугодие 2009 года он превысил 280 млрд. грн., что в 2 раза больше, чем за такой же период 2008 года.

Компании по управлению активами и инвестиционные фонды — также очень популярный инструмент оптимизации налогов. Причина та же — «научность» теневых схем в этом секторе недоступна для налоговиков. За первое полугодие 2009 года такие компании выпустили инвестиционных сертификатов на 27 млрд. грн. больше, чем за весь 2008 год.

Эксперты считают, что реальные инвестиции из этой суммы составляют не больше 10 %, остальное — это закупка «мусорных» бумаг для «надувания» балансов и ухода от уплаты налогов.

В *реальной экономике* высоких профессионалов намного больше, чем в непроизводственных сферах; многие из них приносят в арсенал теневой экономики огромное разнообразие недоступных работникам контрольно-надзорных органов технологий. Рассмотрим некоторые из них.

Добывающая промышленность создаёт 4,68 % ВВП страны, однако, её теневой продукт, по оценкам Минэкономики, составляет 42 % легального продукта. Здесь благодатной почвой для теневых операций аналитики называют крайне запутанную и непрозрачную систему выдачи лицензий и разрешений на разработку полезных ископаемых. Не забывают и о старых добрых методах вывода части оборота в тень — так называемых утрусах и усушках (методах, опробованных ещё в советское время). Например, коксующийся уголь при долгом хранении и несоблюдении температурного режима имеет свойство самовозгораться, что ведёт к естественной убыли продукта. В реальности её не происходит, а списанная продукция реализуется посредническими компаниями за наличность.

Перерабатывающая промышленность за первое полугодие 2009 года произвела продукции на 72,7 млрд. грн. и внесла в украинский ВВП 18,6 %. Теневая сторона этой отрасли оценивается экспертами Минэкономики в 16,3 млрд. грн., или 22,4 % от легального продукта. По итогам 2008 года уровень тенезации отрасли составил 35,3 %, что связано не с улучшением финансовой дисциплины, а вызвано резким сокращением производства. Наиболее тёмным сектором здесь является производство кокса и продуктов нефтепереработки — 45,1 %. Западных аналитиков и предпринимателей давно заводят в тупик чудеса, происходящие на украинском рынке топлива. В мае 2009 года «Укрнафта» продавала нефть на открытых аукционах по 21 доллару за баррель, в то время как мировые цены были в 3 раза выше. Из-за продажи нефти по заниженной цене с начала года «Укрнафта» потеряла сотни миллионов долларов, а компании-посредники, аффилированные с группой «Приват», на этой афере, соответственно, заработали. По удивительным причинам её циничная простота не была замечена высшей властью.

Повышенный уровень тенезации имеет место в *лёгкой и пищевой промышленности* — 42 % и 39 % соответственно. Это объясняется не интеллектуальными находками дельцов, а тем, что в этих отраслях наибольшая доля малого бизнеса, который действует по принципам «базарной» экономики.

Ещё один полуподпольный сектор — *аграрный*. Его современная особенность — быстрое увеличение присутствия иностранных инвести-

ций: от 20 % до 30 % (по разным оценкам) сельхозпредприятий имеют определённую долю зарубежного капитала. Но, несмотря на то, что большинство иностранных инвесторов пытаются внедрить в Украине западные стандарты ведения бизнеса, прозрачность этого сектора остаётся низкой — 27,4 %. Основная причина такой значительной доли теневых процессов связана с тем, что большую часть ВВП в аграрном секторе Украины формируют домохозяйства — по результатам 2008 года их вклад в ВВП агросектора составил 59,7 %, а сельхозпредприятий — 40,3 %. Население не заинтересовано проходить сложную процедуру регистрации субъектов малого предпринимательства с вытекающими отсюда посещениями налоговой и Пенсионного фонда. Оно предпочитает реализовывать или обменивать сельхозпродукцию за наличность без оформления каких-либо документов, и потому люди сами решают, какую долю дохода показывать в налоговой декларации. Таким образом, природа теневой экономики в сельском хозяйстве имеет главным образом ментальный характер, причём не только относительно населения, но и государства. Только оно, при наличии соответствующего интеллекта и воли, в силах освободить селянина от беспредела посредников, хозяев «базарной» инфраструктуры в городах и алчности чиновников районного звена; только от государства зависит, получит ли наконец массовое распространение эффективный опыт создания агрофирм крупными промышленными предприятиями и т. д. Это уже опробованный путь создания цивилизованного сельхозпроизводства, свободного от теневых отношений.

Выводы. Теневая экономика наносит государству, обществу, отдельному человеку не только материальный, но и моральный ущерб. Последний ассоциируется у населения с негативным восприятием власти, при попустительстве или неспособности которой побороть это явление оно приобрело всеохватывающий и перманентный характер. Анализ показал, что даже если у государства имеются достижения в ограничении масштабов теневизации экономики, то они не выходят за рамки частных фактов. Зарубежный опыт убедительно доказал, что на первом месте в борьбе государства с теневой экономикой находятся не превентивные, силовые

методы, а его собственный пример, действия по радикальной интеллектуализации персонала органов управления, надзорно-контрольных служб, материально-технической и нормативной базы их деятельности, применение системы стимулов, исключающих взятку как компенсацию за неоплачиваемый должным образом труд.

Искоренение условий воспроизводства теневой экономики как перманентного явления предполагает наличие государственной политики, не подверженной моде и конъюнктуре [8]. Важным базовым элементом такой политики должна стать адекватная её сложности и ответственности перед нынешним и грядущими поколениями граждан система воспитания и подготовки подлинно интеллектуальных кадров.

Литература

1. Obzor Weekly № 26 (606), July 6, 2009, p. 5; Stiglitz J. America's socialism for the rich. — The Guardian, June, 2009; Stiglitz Joseph. New Perspectives on Regulation. — «Regulation and Failure», Combridge, 2009; Barbera R. The Cost of Capitalism. — McGraw-Hill Professional, 2009; Akerlof G. and Shiller R. J. Animal Spirits : How Human Psychology Drives the Economy, and Why It Matters for Global Capitalism. — Princeton, New Jersey : Princeton University Press, 2009.
2. Антошкина Л. И. Мировые экономические кризисы: история, современность, проблемы, решения : монография / Л. И. Антошкина, В. А. Висящев. — Донецк ; Бердянск : Норд-Пресс, 2009. — 370 с.
3. Financial Times, February 20, 2009.
4. Бондар І. К. Інтелектуалізація людського потенціалу економіки України / І. К. Бондар // Вісник Бердянського університету менеджменту і бізнесу : науковий економічний журнал. — Донецьк : Юго-Восток, 2009. — № 1 (5). — С. 76–84.
5. Українське слово, 1 січня 2010, № 1 (321), с. 12.
6. Reklama, № 48 (754), December 24, 2009, p. 34.
7. Obzor Weekly, № 48 (624), December 21, 2009.
8. Боротися з корупцією стало модно? // Час і Події. — 2010. — № 2. — 14 січня. — С. 34.